

СЛОВО ЗА РАМПОЙ

ПРОЗВЕНЕЛ звонок к началу спектакля, и Панна Ивановна Журавлева, старший суфлер Художественного театра, заторопилась на сцену. Взяв с меня обязательство, что за все три часа не пророню ни единого слова, она указала на едва заметную в стене дверь, и мы очутились в пространстве под сценой. Несколько секунд в темноте, и перед нами — ступеньки лестницы, настолько узкой, что взбираться по ней можно лишь боком...

— Ничего, — подбадривает Журавлева, — теперь уже недалеко.

И в самом деле, через мгновение мы оказываемся в просторной суфлерской будке. Сквозь тонкое фанерное полукружье слышно, как шумит перед началом спектакля зрительный зал.

Панна Ивановна кладет перед собой толстую книжку в потертом кожаном переплете. На титульном листе надпись: «А. П. Чехов. Три сестры».

...Направляясь в Художественный театр, я представлял профессию суфлера достаточно традиционной и в сущности простой. Ну, скажем, «Три сестры» идут на сцене МХАТа уже много лет, роли свои исполнители, разумеется, отлично знают. Выходит, суфлеру делать нечего?

— Не огорчайтесь, — словно угадав мой вопрос, замечает Журавлева. — Работы и сегодня предостаточно будет...

Она знакомит со своим хозяйством, а оно, надо сказать, весьма солидное.

Суфлерская будка напоминает пульт диспетчерской. Слева и впереди Журавлевой панели управления —

множество кнопок, переключатели. Они служат для подачи сигналов за сцену, когда, допустим, необходимо включить музыку. Кроме того, по команде суфлера выходят на сцену актеры, опускают занавес. И каждый такой сигнал должен быть послан вовремя, в строго определенный момент. Секунда в секунду...

Конечно, суфлер работает не один. Рука об руку с помощником режиссера, который ведет спектакль. И все-таки, когда суфлер один на один со сценой решения часто приходится принимать самостоятельно...

Звучит третий звонок. Распахивается занавес. С этой минуты Журавлева полностью принадлежит спектаклю, хотя там, на непривычно близкой отсюда сцене, пока еще не произнесено ни слова. Но вот оживают чеховские герои, и взгляд суфлера побежал, побежал по страницам пьесы.

Они работают абсолютно синхронно, актеры и Журавлева, кажется, они чем-то связаны. От внимания суфлера не ускользнет ни жест, ни реплика, в любой момент готов он прийти на помощь. Но поддержка пока явно не требуется. Спектакль идет ровно, без помех.

Время от времени, сверяясь с какими-то значками в тетради, Журавлева «включает» то музыку, то телефонные звонки, то стук в дверь, но все это, я уже знаю, было заранее запланировано. Где же суфлерство?

И тут (надо же такому случиться!) в спектакле происходит едва ощутимая заминка. В тот же миг Журавлева «посылает» исполнителю спасительную реп-

лику — особый направленный шепот. Зрители, разумеется, ничего не услышали.

А потом, во время антракта, мы устроились с Панной Ивановной в артистическом фойе за сценой, и я поинтересовался: как удалось предугадать заминку в спектакле? Интуиция?

Вместо ответа Журавлева протянула суфлерскую тетрадь, предложила перелистать. Страницы были испещрены пометками.

— Это так называемая партитура ошибок, — поясняет моя собеседница. — За 35 лет работы в театре подметила, в каких местах чаще всего ошибаются актеры. Знаю, когда быть начеку, когда почти наверняка потребуются моя помощь. Очень много значит для нас и мимика актера. Лицо исполнителя мгновенно подсказывает: вот сейчас случится заминка. Конечно, чтобы вот так, с ходу «схватить» ошибку, нельзя ни на секунду отрываться от сцены. Приходится все знать наизусть. Я, например, держу в памяти около двадцати спектаклей. Не отстают, разумеется, и другие суфлеры. А нас пятеро. Самой молодой Ганне Ангаровой чуть больше двадцати. Работает всего три года. Пока ученица. Ведь, чтобы постичь все тонкости профессии, нужно по крайней мере несколько лет...

Назад в суфлерскую будку отправляемся уже втроем. Третья — Г. Ангарова. Сейчас у нее как бы два дела: внимательно следить за сценой и одновременно за работой суфлера, за каждым его движением. Панна Ивановна уступает ученице место за пультом...

А. ДРУСКИН.